

СЧИТАНЫЕ ДНИ

Земля тебя примет.
Всему свое время, смирись с судьбой,
Дорога жизни уходит за горизонт,
Но что тебя ждет за этой чертой?..
Земля тебя примет.

Стефан Сундстрём

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДО КОНЦА СВОЕЙ ЖИЗНИ она будет мысленно возвращаться к этому моменту. Раннее утро понедельника, кухня в голубых тонах, аромат свежее испеченных круглых булочек, лежащих в корзинке на столе, размеренное тиканье часов на стене сбоку от холодильника — она втайне перевела их на три с половиной минуты вперед в надежде на то, что остальные члены семьи перестанут опаздывать. Все кажется таким знакомым и обыденным, как унылый октябрьский дождь, что стучит в покрытые мутными разводами оконные стекла — надо бы их помыть, — и, судя по всему, сегодняшний день — самый что ни на есть обыкновенный.

— Вообще сырые, — ворчит Кайя, надавливая пальцем на лежащую перед ней на тарелке разрезанную булочку.

— Они такими и должны быть, — произносит Лив Карин, — я по рецепту пекла.

— И что, они должны быть непропеченными? — Кайя поднимает глаза и смотрит на нее. —

Что это за рецепт такой, чтоб булки были внутри сырыми?

Глаза у нее обведены черным карандашом, Лив Карин уже устала делать замечания, она решила, что дочь и сама перестанет так краситься, если никто на это не будет обращать внимания. Но мальчики, само собой, это замечали — скорее недоуменно, чем зло, и в прошлые выходные, когда Кайя собиралась на вечеринку, Магнар бросил ей: «Ты что, хочешь быть похожей на потаскушку, тебе что, нравится так выглядеть?»

Кайя отпихивает булочку указательным пальцем на край тарелки. Ногти покрыты темно-бордовым лаком. Когда Кайя была помладше, вечно обкусывала ногти, однажды они даже повесили на дверцу холодильника календарь: каждый день, когда Кайе удавалось удержаться от пагубной привычки, отмечался крестиком, и в конце концов она даже получила фигурку из игрового набора, о которой мечтала.

— Ладно, пей какао, пока не остыло, — говорит Лив Карин, — тебе на автобус через десять минут.

Кайя тяжело вздыхает, словно для того, чтобы протянуть руки, взять чашку с какао и донести ее до рта, требуются титанические усилия. Какао — самое настоящее, сваренное на молоке и шоколаде, Лив Карин взбивала его, пока не взмокла, стараясь, чтобы напиток не пригорел в кастрюльке. Кайя вытягивает покрашенные алой помадой губы трубочкой, намеренно громко отхлебывает и отставляет чашку в сторону.

— Ты что, сахар забыла положить или как?

— Черта с два я еще для тебя что-то сделаю, — не выдерживает Лив Карин.

— Чего? — усмехается Кайя.

— Мне осточертело скакать перед тобой на задних лапках! — кричит Лив Карин, чувствуя, как волна жара нарастает в груди и разливается по рукам. — Я встаю без четверти шесть, чтобы приготовить для тебя нормальный завтрак, ты хоть знаешь об этом?

Кайя спокойно смотрит на нее подведенными черным глазами. Мальчики, если с ними разговаривать жестко, всегда идут на попятный, Лив Карин удивляется и даже пугается, как мало нужно, чтобы они потупили взор и смутились, а с Кайей все не так.

— Тебя никто и не просит, — отрезала дочь, — раз это так трудно. Ты же сама решила, что надо вставать ни свет ни заря, тебе же хочется корчить из себя жертву.

Она начала разговаривать в таком тоне еще осенью, когда переехала в съемную комнату с мебелью и пошла в гимназию в Воссе. У них вроде бы можно изучать психологию, и когда Кайя в прошлые выходные была дома, она не удержалась от дерзкого комментария, вставив словечко «проекция», когда Лив Карин выговаривала Магнару за грязную одежду.

Чувствуя, как кровь приливает к рукам, Лив Карин до боли сплетает пальцы, а Кайя тем временем выуживает из заднего кармана узких рваных джинсов мобильный телефон и, набирая пароль на экране одной рукой, другой хватается с тарелки круглую

булочку, откусывает и жует, всем своим видом демонстрируя отвращение.

— Ты ведь должна как-то помогать, — продолжает Лив Карин. — Мы все же одна семья.

Кайя, прищурившись, смотрит на экран телефона, водит по нему указательным пальцем, потом замирает и что-то удивленно разглядывает, прежде чем улыбнуться чему-то своему, и палец снова скользит по экрану.

— Слушай хотя бы, когда с тобой разговаривают! — звенит голос Лив Карин.

Кайя отрывает взгляд от экрана мобильного, и Лив Карин пугается выражения ее лица, так хорошо знакомого и в то же время чужого. И дело не только в том, что она стала по-новому краситься, или в ее упрямстве — к этому Лив Карин уже привыкла, с самого рождения Кайи. Но теперь появилось что-то новое: пухлые губы, резко очерченные скулы, лоб, который словно стал выше, — это лицо юной женщины, ей всего шестнадцать, но тем не менее: прежде всего, перед ней привлекательная молодая женщина — вот что видит Лив Карин и не может объяснить, что же внутри нее так сопротивляется этой красоте.

Взгляд Кайи скользит по лицу матери, прежде чем она невозмутимо произносит:

— Ты как-то ужасно растолстела в последнее время, это что, из-за климакса?

И вот тогда Лив Карин сметает на пол все, что стоит на столе. Чашка с какао, корзиночка со свежей выпечкой, миска с яичницей-болтуньей и тарелка

с козьим сыром — она открыла новую упаковку, хотя в старой что-то еще оставалось. Лив Карин смахивает все одним движением, и посуда летит на пол, разбивается с оглушительным звоном, вдребезги, на мелкие кусочки, и носки тут же впитывают растекшуюся по полу влагу.

— Какого черта! — вопит Кайя и так резко вскакивает со стула, что тот опрокидывается у нее за спиной, но уже слишком поздно: огромное пятно расплывается по штанине.

— Ты вообще уже сбрендилa? — орет Кайя, хватая со стола оставшуюся аккуратно лежать сложенную салфетку и прижимает ее к пятну на джинсах.

Глядя на дочь, Лив Карин слышит собственное прерывистое дыхание. Затем она обводит глазами кухню, где все происходит совсем не так, как она себе представляла, не так, как планировала. К ножке стула прилип ломтик огурца.

— Чокнутая бабища! — орет Кайя.

Она сует мобильник в задний карман и осторожно, на цыпочках, стараясь не наступить в лужицу какао, направляется к входной двери.

Лив Карин чувствует, как кровь толчками приливает к рукам, и бросается вслед за дочерью.

— Можешь не возвращаться, — бушует она. — Если ты и дальше собираешься так себя вести, можешь вообще домой не приходить.

Кайя лихорадочно натягивает легкие сапожки цвета спелой сливы, и Лив Карин приходит в голову, что надо бы сказать, чтобы надела резиновые сапоги, взяла дождевик и зонтик: в новостях пере-

давали, что в течение почти всего дня ожидается сильный дождь; но она не произносит ни слова, а Кайя, не глядя на Лив Карин, сдергивает с вешалки, тесно забитой одеждой, кожаную куртку, хватает школьный рюкзак и сумку.

— Делать мне больше нечего — возвращаться, — бормочет она себе под нос.

Порыв холодного осеннего воздуха врывается в распахнутую дверь, Кайя с треском захлопывает ее. И самые последние слова, которые они сказали друг другу, остаются висеть в воздухе.

для селфи день совершенно неподходящий. Да и для туристов сейчас не сезон. Юнас стоит на палубе парома, вцепившись в перила, и видит вокруг только разные оттенки серого и голубого.

То, что он *должен* был увидеть, — то, что ему обещали фотографии, которые он отыскал в интернете, и что, по всей вероятности, в самом деле предстает взору не в такие дни, как сегодня, и, возможно, скрыто теперь плотным слоем тумана, — это нечто совершенно иное: живописный зеленый фьрд, а по обеим сторонам от него ввысь — до самых голубых небес — простираются горы, и, наверное, кое-где еще лежат снежные шапки, создавая экзотический контраст с палящим солнцем, которое, словно на открытке, заливает светом все вокруг.

Его лицо стало влажным от дождя. От резких порывов ветра перехватывает дыхание, и Юнас пытается вспомнить, что заставило его вообразить, будто приехать в эти края — замечательная мысль. На грузовой палубе под ним по соседству с его красным «гольфом» выстроились семь или восемь лег-

ковых автомобилей без водителей. Там так и написано — «заглушить мотор и покинуть транспортное средство во время движения парома». Остальные пассажиры расположились в кафе на нижней палубе или подпирают стены в узких коридорах у туалетных комнат, уткнувшись в экраны мобильных телефонов. Юнас проходит мимо них по пути на верхнюю палубу — он единственный, кто рискнул выйти туда в такой дождь.

Осенью восемь лет назад погода была примерно такой же, правда не здесь, а в Осло, тогда за сутки выпало тридцать шесть миллиметров осадков, и когда он с небольшим опозданием явился на вечеринку, насквозь промокший, то рассказал об этом Эве. «Тридцать шесть миллиметров за последние сутки, — сказал он ей, — по радио сообщили». И тогда она засмеялась и ответила: «А ты необычный». Он воспринял эти слова как комплимент, и когда уже позже они отправились вместе домой, под тем же дождем, который, строго говоря, уже не был *тем же самым*, и если бы он сказал об этом Эве, она бы, возможно, прокомментировала и это тоже, но тут прямо над их головами небо разрезала желтая молния. Юнас со страху поднял руку, чтобы обнять Эву, закрыть от грозы. Но она только рассмеялась, припустила впереди него под дождем, волосы струились по плечам тяжелыми мокрыми прядями, и гроза ее вовсе не страшила, она вообще ничего не боялась. Юнас стеснялся подойти к ней больше года, и вот они оказались здесь, бежали друг за дружкой в ночной темноте через пустынные вымокшие улицы по дороге к ее дому.

Над его головой пронесется чайка. А под ним расстилается фьорд, сверкающе-белоснежный, бесконечно глубокий. Юнас не только внимательно рассмотрел идиллические фотографии фьорда, но и прочитал о нем — «самый длинный и глубокий фьорд в Норвегии» — так там было написано, больше тысячи метров в самой глубокой точке.

Он еще крепче сжимает мокрые от дождя перила. Пальцы занемели от холода. Из-за недосыпа перед глазами стоит серый туман. Уже подъезжая к Лейкангеру, он чуть было не заснул. Никогда прежде с ним такого не случалось: нога резко дернулась, и он осознал, что вот-вот вылетит на встречную полосу. Юнас свернул в автобусный карман и вышел из машины. Туман оказался таким густым, что разглядеть можно было только очертания обступивших его гор, они будто нависали над ним, прижимая к земле. Струи дождя стекали по заднему стеклу «гольфа», и Юнас лишь угадывал очертания лежащих внутри вещей: чемоданы и коробки из шведской сети магазинов «Клас Олсон». Прошло меньше суток с тех пор, как Эва, прислонившись к дверному косяку, заложив руки в задние карманы джинсов, наблюдала за тем, как он упаковывал последние вещи, все еще остававшиеся у нее дома. За последнее время она сменила торшер и передвинула стеллаж с книгами к стене у окна. Он прожил здесь три года, но квартира вместе со всей мебелью принадлежала ей, она распоряжалась здесь всем, и это жилье так и не стало его или их общим домом. Юнас засунул в коробку спальный мешок и подобрал темно-синюю непромокаемую куртку, которую едва ли хоть раз надевал. «Мне все же кажется,

это как-то неоправданно — взять и согласиться на работу в крошечном городишке за пятьдесят миль отсюда», — рассуждала Эва. Юнас взглянул на непромокаемую куртку, которую держал в руке. Вроде бы ее подарили родители Эвы? На прошлое или позапрошрое Рождество? «Ну, самое главное — что ты не опускаешь руки, идешь дальше, — заключила Эва. — С этой точки зрения все разумно».

Вечно одно и то же: иди вперед, не останавливайся. Юнас сложил куртку, тщательно и неторопливо — в спешке не было никакой необходимости, надо было дать Эве время передумать. «И как говорится, — продолжала она, — иногда на худой конец стоит просто воспользоваться возможностью, чтобы понять, что ты живешь», — говоря это, она слегка закатила глаза, потом вскинула руку и посмотрела на часы: «Пора бежать. У меня дежурство».

А часы были черными. Не те стального цвета, что она обычно носила, его подарок — довольно дорогой подарок, который он сделал на ее день рождения в первый год их отношений.

Куртка выскользнула из его рук и с глухим звуком приземлилась на спальный мешок в коробке. Эва смотрела на Юнаса. С лестницы донесся звук заработавшего лифта. Поначалу низкий гул за стеной спальни очень раздражал его, особенно после ночной смены, но потом он привык. Эва подошла к нему, обвила руками плечи, Юнас склонился к ней, но, когда попытался прижаться, она разжала объятия и отступила. «Езжай осторожно, — сказала она. — На связи».

«На связи?» — думает Юнас и чувствует, как очередная дождевая капля холодит шею и пробирается дальше под воротник джинсовой куртки; он оделся не по погоде, а синяя куртка все еще лежит в коробке в машине. На связи — это как? В смысле через СМС? Или узнавать о ней из ленты новостей фейсбука? Или из словно бы не нарочно запущенной ехидной сплетни от однокурсника: слышал, что Эва выходит замуж за одного из старших врачей отделения?

С нижней палубы доносится смех. Юнас наклоняется через поручни, еще крепче вцепившись в них руками. По палубе, где стоят автомобили, идет мужчина с ребенком на плечах. Девочка в розовом дождевике болтает ногами, обутыми в маленькие сапожки, задирает лицо к небу и хохочет над летящими каплями, а руки отца в это время крепко сжимают ее лодыжки. Сколько же ей может быть лет? Примерно столько же, сколько тому мальчику? Юнас все еще помнит дату рождения — двенадцатого ноября ему исполнится два года. Отец останавливается перед серым «тураном», теперь к ним подходит и мама девочки, открывает машину и протягивает руки к ребенку, а отец немного приседает, чтобы снять девочку как можно осторожнее. На палубе вокруг них появляются другие люди, рассаживаются по машинам, паром скоро причалит; и когда Юнас устремляет взгляд на берег, он видит причал, который постепенно проступает на сером фоне, очертания пяти-шести машин, стоящих друг за другом и готовых отправиться на пароме в обратную сторону, и еще возникающие из тумана буквы указателя: Вангснес.

Юнас видит все это, пока, дрожа от холода, спускается спиной к трапу на автомобильную палубу. Его «гольф» припаркован в первом ряду, ему надо перебраться вниз, чтобы не создавать никому не нужную очередь. Так почему же его взгляд прикован к автофургону, который выруливает из-за поворота и направляется к веренице машин на причале? Неужели виной этому погода или время года — такие автомобили у него ассоциируются с летом. Или чуть более высокая скорость на повороте — разве именно поэтому Юнас остается на верхней ступеньке трапа и наблюдает за тем, что происходит за плотной пеленой тумана, размывающей всю картину, — фургон тормозит на пристани.

И тут совершенно неожиданно с того места, где остановился фургон, начинает валить густой черный дым, из-под заднего колеса летят искры. Из-за поворота показывается серый кроссовер и не успевает затормозить перед фургоном.